

III. В принципе балканский пакт¹ принят тремя министрами, а по соглашению с Александром установлено, что пакт следует, возможно, дополнить военными оговорками, ограничить по времени, сделать его в принципе доступным для присоединения также Албании и Болгарии, и должно быть предпринято все, чтобы сделать возможным присоединение болгар. Если бы они не присоединились, то хотя пакт и был бы подписан без них, однако для них, как и для Албании, была бы зарезервирована возможность присоединения и продолжалась бы настойчивая работа по сближению с Софией.

IV. В принципе установлено, что сейчас настал подходящий момент для нормализации наших отношений с Советами. Выжидается только, пока Титулеску договорится с Москвой о форме признания между Румынией и Советами. После этого нормализация была бы проведена одновременно. Мы и югославы осуществили бы это простым назначением послов в Москву. Пока что мы подготавливаем все необходимое, в том числе новый нормальный торговый договор. Все эти детали остаются в строгой тайне.

V. В вопросе об Австрии мы постоянно и твердо выступаем против аншлюсса: однако наш подход — как и до сих пор — остается сдержанным, и мы присоединились бы только к той акции, в которой крупные державы попросили бы нас сотрудничать.

Бенеш

*AFMZU, Praha, Telegramy odeslané
1934, č. 21—36/34.
Копия. Перевод с чешского.*

¹ Балканский пакт подписан 9 февраля 1934 г. в Афинах представителями правительств Югославии, Румынии, Греции и Турции. Пакт гарантировал статус-кво в юго-восточной Европе и обязывал его членов действовать совместно во внешнеполитических вопросах, касающихся Балкан.

459

*Запись беседы представителя СССР в Чехословакии
С. С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем*

Прага

7 февраля 1934 г.

Бенеш вызвал меня к себе и начал почти двухчасовой разговор с заявления о том, что хочет обстоятельно поговорить со мной сначала на темы, касающиеся нас обоих, а потом и на ряд других.

Бенеш напомнил, что он уже говорил мне о поручении, данном им заведующему экономическим отделом Фридману, о подготовке всего необходимого для заключения торгового договора между нашими странами. Бенеш помнит и то, что я ему ответил¹. Сейчас он хочет сообщить мне, что разработка проекта торгового договора подвигается у Фридмана к концу и в ближайшие дни Фридман представит мне этот проект. Если я найду проект подходящей базой, то переговоры по нему смогут быть продолжены, причем Бенеш надеется, что к моменту нормализации наших взаимоотношений будет готов к подписанию и этот торговый договор. Если же окажется, что мы найдем договор неподходящим или его подписание в близком будущем почему-нибудь несвоевременным, то Бенешу, дескать, безразлично, если мы пойдем и по другому пути. У не-

го нет никаких возражений, чтобы осуществить и ту идею, которая фигурировала уже в разговорах со мной, а именно: идею добавления или трактования нашего старого договора от 1922 г. в смысле распространения на обе страны наибольшего благоприятствования. Об этом он предлагает судить мне после того, как я познакомлюсь с проектами Фридмана. Мне не оставалось ничего другого, как выразить готовность познакомиться с тем, что вырабатывает Фридман².

Дальше Бенеш сказал, что после моего напоминания о ратификации Лондонских пактов об определении агрессора³ он заинтересовался этим вопросом и проверял его, в частности, и в Загребе. Для него выяснилось, что задержка произошла прямо по недоразумению. Дескать, «предполагалось», что ратификация и передача документов произойдет в Лондоне, о чем были какие-то сношения с советским послом Майским. Затем выяснилось, что нарком Литвинов ожидает совершения этого акта в Москве. Коротко, Бенеш может сегодня сообщить мне на основе только что полученной им из Лондона телефонограммы, что уже вчера, 6 февраля, ратификационные инструменты отправлены дипломатической почтой из Лондона в Москву⁴. Посланник Сметана имеет поручение договориться в Москве с Наркоминделом о том, с какого момента следует считать ратификацию совершенной и пакты вступившими в силу, а также о том, когда и как опубликовать об этом.

Относительно «основного вопроса», как выразился Бенеш, о признании де-юре, Бенеш повторил мне, что Чехословакия связана новым организационным уставом Малой Антанты⁵ и поэтому Бенеш должен был провести свою точку зрения немедленного признания на заседании совета Малой Антанты. Несколько путано Бенеш говорил о том, что там это ему удалось и никаких затруднений больше не существует. Все же признания еще не происходит, и Бенеш не берется сказать точно, когда оно произойдет⁶, ибо существует не затруднение, а что-то вроде недоделанности. Он, дескать, и в прошлый раз говорил мне о Румынии. В Загребе Титулеску был согласен с точкой зрения Бенеша и даже сам высказывался за скорейшее решение этого вопроса. Но положение Румынии несколько другое, чем Чехословакии и Югославии, и поэтому Титулеску оставил за собой согласовать соответствующую формулу в духе лондонской с Литвиновым⁷.

Как он это практически хочет сделать?

Этого Бенеш не знает и не считает особенно существенным. Важно то, что и для Титулеску этот вопрос о признании задерживается лишь по этому единственному поводу и что Титулеску сам стремится к скорому решению.

На мой вопрос о том, что, по слухам, трудность заключалась в Загребе в позиции Югославии, Бенеш с достаточной определенностью ответил, что это неверно. Ефтич целиком стоит на позиции Бенеша, и Югославия, как и Чехословакия, не имеет никаких конкретных вопросов, стоящих на пути к признанию СССР. Попутно Бенеш еще раз повторил свой ход рассуждений о прошлом и настоящем в области внутривосточных препятствий в Чехословакии, которые он считает теперь устраненными или легкоустранимыми, как, например, возражения со стороны партии народных демократов.

Дальше Бенеш спросил меня, как мы оцениваем польско-германский договор⁸. Я ответил, что считаю этот договор крупным международным событием, но не думаю, чтобы он разрешал спорные вопросы и, в частности, был бы способен разрешить вопрос о германской экспансии или

даже только изменить ее направление, так ярко намеченное гитлеровской критикой вильгельмовской внешней политики. Бенеш как будто только и ждал реплики для того, чтобы разразиться очень длинной и оживленной речью в основном такого содержания.

Польско-германский договор является не больше, чем дипломатической игрой, происходящей на основе полного взаимного недоверия друг к другу партнеров. Раньше в Европе говорили, что вопрос польского коридора — это вопрос войны. Сейчас поляки хотят показать, что не этот вопрос будет причиной европейской войны. Во времена Штреземана⁹ последовательность острых вопросов между Германией и Европой была такая: 1) коридор, 2) аншлюс. Когда пришел Гитлер, он перевернул эту последовательность: сначала аншлюс потом коридор. От этого вопроса о коридоре, как причине будущей войны, вовсе не исчез. Меняя последовательность этих вопросов, Гитлер забыл одно: вопрос аншлюса стал тем временем вовсе не германо-австрийским вопросом, а общеевропейским, и в частности итальянским вопросом. В лучшем случае вместо одного появилось два вопроса, которые могут стать причиной европейской войны. Если Германия рассчитывает произвести аншлюс, то это будет обозначать европейскую войну. Я нарочно переспросил Бенеша, правильно ли я понял такое категорическое заявление. Бенеш повторил, что насильственный аншлюс будет обозначать европейскую войну. Мыслима другая форма — «глейхшальтунг»^{*}. В это Бенеш не верит, и события в Австрии его не смущают. Дольфус должен был бы пойти на «глейхшальтунг» прежде всего против Италии, но также и против Франции и против Малой Антанты. Это ему не под силу.

Поляки издавна старались повернуть германскую экспансию в другую сторону от себя. Когда в прошлом Чехословакия заговаривала с Польшей о более близких отношениях, то поляки вечно выражали недоверие, подозрения, что Чехословакия заигрывает с Германией и готова согласиться с ней для того, чтобы укрепить германскую экспансию в направлении на Восток. История показала, что Чехословакия играла с открытыми картами, а вот поляки вдруг поразили всех своим сближением с Германией. Что делать Чехословакии? Бенеш говорил, что он очень легко мог бы шесть недель тому назад и также легко может хоть завтра, в свою очередь, заключить соглашение с Германией и за себя и за всю Малую Антанту. Однако он этого не делает, потому что время работает на него и он не видит нужды торопиться. Он подождет. Если на очередь серьезно будет поставлен вопрос об аншлюсе, то Бенеш повторяет, это прежде всего итальянский вопрос.

Поскольку Бенеш начал резонировать и несколько иссякать в своей речи, я снова подал реплику. Я напомнил Бенешу, что он в прошлый раз довольно решительно ставил вопрос в такой образной формулировке: «Если немцы будут в Вене, то им будет ближе до Булапешта, чем Муссолини, чем кому-нибудь другому». Я думаю, что вопрос о Будапеште, говоря образно, есть прежде всего вопрос о Малой Антанте. Бенеш оживленно подхватил, что это и вопрос самих венгров. Бенеш не отрицает, что Чехословакия заинтересована во всех среднеевропейских вопросах. Однако он считает, что только что заключенный Балканский пакт¹⁰ сильно укрепляет Малую Антанту. Если к Балканскому пакту не присоединилась Болгария и Албания, то это пустяки. Он предлагает задуматься над тем, что сейчас Албания револютирует против Италии. Итальянская экспансия на Балканы и в Среднюю Европу сильно ограничена Бал-

^{*} Унификация (нем.).

канским пактом и Малой Антантой. Именно поэтому австрийский вопрос становится для Италии чрезвычайно важным. Именно в этих рамках и венгры сейчас, больше чем когда-нибудь, должны задуматься и задумываются над тем, что будет с ними, если произойдет аншлюс. Что касается Чехословакии, то тоже поэтому она может спокойно дожидаться дальнейшего хода событий, а также может в любое время сама договориться с Германией.

Каково отношение Франции? У Бенеша был польский посланник в Праге Гжибовский¹¹ с официальной информацией о польско-германском договоре. Бенеш спросил Гжибовского, как он представляет себе будущее, если Франция сама пойдет по пути прямых переговоров с Германией. Гжибовский ничего не мог ответить. Хитро подмигивая, Бенеш сказал, что подобная «теоретическая возможность» могла бы осуществиться лишь при том условии, что Франция не посчиталась бы с интересами Польши.

Меня этот намек заинтересовал, и поэтому я сказал Бенешу, что мне его оптимизм кажется преувеличенным. Лично я вижу значение польско-германского договора именно в том, что он вынуждает Францию подойти вплотную к вопросу об удовлетворении ряда германских притязаний. В обстановке английского и итальянского меморандумов¹², при условии наличия во Франции кабинета Даладье с взошедшим в него Поль-Бонкуром, легко можно представить себе, что мы стоим накануне прямых франко-германских соглашений. Гегемония Франции в Европе подорвана Гитлером и его вооружениями, и Франция не может сейчас стоять на старых, уже разрушенных позициях. Она должна быть довольна, если сумеет гарантировать себя и свой собственный статус от германского нажима. За такие гарантии Франция должна заплатить Германии, но она заплатит ей не за свой счет. Самое естественное заплатить Германии в духе ее раум-политик* за наш счет. Но попутно и за счет других малых государств.

С несколько неожиданной для меня прямоотой Бенеш заявил, что он тоже допускает возможность прямых переговоров между Францией и Германией. Однако Бенеш уверен, что это не произойдет за счет СССР. Скорее, наоборот, можно ожидать усиления старой идеи франко-русского альянса. Дальше с некоторым злорадством Бенеш сказал, что это может произойти именно за счет Польши. Он думает так потому, что на очереди остро стоит правильно упомянутый мною вопрос о разоружении. Франция, «теоретически говоря», может пойти на принятие английских предложений с некоторыми видоизменениями. Ну, а Польша разве может пойти на какие бы то ни было ограничения в области вооружений? Бенеш отвечал на свой вопрос категорическим отрицанием. Здесь заложен, по его мнению, первый и основной момент, в силу которого польско-германская дружба в скором же времени разлетится в прах, а с другой стороны, Польша попадет в противоречие со всей остальной Европой. Другой момент, характеризующий непрочность польско-германских взаимоотношений и намечающий большую угрозу для будущего Польши, заключается, по Бенешу, в том, что вопрос о коридоре лишь затушеван и скоро снова выпятится. Бенеш ссылаясь на тот пункт польско-германского договора, в котором говорится о том, что стороны будут взаимно обсуждать политические, хозяйственные и культурные вопросы. По мнению Бенеша, этот пункт является германским резервом для того, чтобы в недалеком будущем поставить перед поляками тот же вопрос

* *Территориальной политики (нем.)*.

о коридоре. Бенеш смеялся над десятилетним сроком, если поляки серьезно верят в него. Не пройдет одного — двух лет, как круг замкнется, и поляки с еще большей определенностью станут перед этим вопросом. Ни в какую замену коридоров одного другим Бенеш не верит, потому что это невыгодно никому из заинтересованных.

Я счел правильным еще раз отметить, что в таком случае мой ход рассуждений правилен. Я не верю в серьезность злорадства Бенеша по тому поводу, что франко-германское соглашение, хотя бы голько, «рассуждая теоретически», может произойти за счет Польши. Это лишь побочный счет, а основной счет наш, ибо на этом счету между нами и Европой стоит гораздо больше, чем на каком-нибудь ином.

Весьма примечательно, как на это реагировал Бенеш. Он сразу ответил: вы, дескать, хотите сказать, что с вами ведется еще счет по социальной линии. В духе Гитлера была бы организация борьбы с мировым большевизмом, но мы должны поверить тому, что никто такого мандата Гитлеру не даст, ибо никто не заинтересован в усилении, а тем более безграничном усилении именно гитлеровской Германии. Смотрите, дескать, как меняется отношение к вопросам. Во времена Штреземана Англия была склонна, ссылаясь на пацифизм Германии, не особенно возражать против аншлюса и решения средневропейских проблем с участием Германии. Сейчас Англия против аншлюса. Это только маленький пример для иллюстрации того, что даже Англия не захочет возрождения германской мощи в слишком большом размере. Поэтому не может быть речи о каком бы то ни было поощрении германского «дранг нах остен»*. Мы рассуждаем, дескать, теоретически. Практически Бенеш уверен в том, что в ближайшие годы вообще не может быть речи о коренных сдвигах в Европе.

Что касается Чехословакии, то именно поэтому Бенеш считает возможным дожидаться и ничего не боится. На худой конец он может сказать, что чехи уже 12 столетий жили на своей земле под чужим игом и чужое окружение для них не новость. Ну, пусть будет аншлюс, и чехи окажутся в тисках. Ну, пусть будет перекройка европейской карты. Чехам, дескать, не привыкать. А вот итальянцам и даже венграм это дело непривычное, и они сами позаботятся о благоприятном решении тех вопросов, которые затрагивают и Чехословакию.

Я заметил, что это все же звучит очень пессимистически и это не оправдание для пассивного ожидания. Бенеш в ответ еще раз повторил свою концепцию особого итальянского интереса в австрийском вопросе и добавил, что почему бы в таком случае не наметить сближения между Италией и Малой Антантой. Однако это снова «теория».

Для верности я еще раз переспросил его, правильно ли я понял, что в Загребе состоялось положительное решение по вопросу о наших взаимоотношениях¹³, и Титулеску в этом смысле оставил за собой договориться с нами по поводу формулы, аналогичной лондонской. Бенеш подтвердил, добавив, что пока Титулеску был занят Балканским пактом, а сейчас, вероятно, найдет способ вступить с нами в сношения, хотя Бенеш и не осведомлен, как он это проделает практически¹⁴.

Полпред СССР в ЧСР Александровский

*Публикуется по сб.: «Документы
внешней политики СССР», т. XVII.
М., 1971, с. 120—126.*

* *Натиска на Восток (нем.).*

¹ В записи беседы С. С. Александровского с Бенешем 13 января 1934 г. отмечалось, что «Бенеш еще раз в общих выражениях сказал о том, что он «большой оптимист» и ждет, что уже в скором времени состояние наших взаимоотношений радикально изменится. Именно поэтому он дал определенные инструкции Фридману на тот предмет, чтобы он занялся со мною выяснением базы будущего торгового договора между нашими странами. Фридман уже готовит все необходимое. Бенеш снова не хочет ангажироваться, но считает, что если нормализация произойдет немедленно, в ближайшее время, то я смогу немедленно повести с Фридманом формальные переговоры. Если нормализация заставила бы себя ждать, то и тогда Бенеш определяет сроки настолько короткими, что уже имеет практический смысл начать разговаривать и, может быть, сопроводить нормализацию соответствующими шагами и в области экономических взаимоотношений.

Я с большой прохладцей ответил, что это будет забеганием вперед тем событиям, о которых сам Бенеш не решается сказать чего-нибудь определенного на обозримый период времени. Едва ли будет политически правильно пытаться опережать события. Я должен предупредить, что некоторые особенности нашей народнохозяйственной системы тоже стоят на пути к такому предвосхищению событий. Бенеш прервал вопросом: «Но вы же выражали склонность говорить на торгово-политическую тему». Я подтвердил, что готов в любой момент говорить на торгово-политические темы и буду рад ознакомиться с практическими предложениями, если они будут сделаны. Однако до сих пор я исходил при этом из предпосылки существующей базы наших взаимоотношений. Она пока исключает возможность создания нормального торгового договора. Бенеш осведомился в утвердительном тоне о том, что я все-таки не отказываюсь от разговора. Я ответил, что мы никогда не отказываемся от разговоров и поэтому я буду ждать обращения ко мне со стороны Фридмана». (См. «Документы внешней политики СССР», т. XVII. М., 1971, с. 776).

² См. док. 464.

³ См. док. 442.

⁴ См. док. 442.

⁵ См. док. 434.

⁶ См. док. 475.

⁷ См. док. 442.

⁸ Польско-германская «декларация о ненападении и взаимопонимании» была подписана в Берлине 26 января 1934 г. В ней указывалось, что стороны обязуются основывать свои взаимоотношения на принципах пакта Бриана-Келлога. Гитлер путем заключения двустороннего соглашения с Польшей стремился нанести удар по системе союзов, созданных Францией в Восточной Европе, замаскировать свои агрессивные замыслы в отношении Польши и использовать в своих целях враждебную СССР позицию польского правительства. Советское правительство рассматривало польско-германскую декларацию как серьезный удар по системе коллективной безопасности, как шаг к подготовке германской агрессии.

⁹ Штреземан Г. (1878—1929) — германский политический деятель. Один из основателей и руководителей либеральной партии. В 1923 г. — рейхсканцлер, в 1923—1929 гг. — министр иностранных дел.

¹⁰ См. док. 458 и газету «Известия» от 11 февраля 1934 г.

¹¹ Гжибовский В. — чрезвычайный посланник и полномочный министр Польши в ЧСР.

¹² См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, с. 28—33, 43—53.

¹³ См. док. 458.

¹⁴ См. «Документы внешней политики СССР», т. XVII. М., 1971, с. 361—362.

Запись заведующего канцелярией президента Чехословацкой республики П. Шамала¹ о разногласиях среди руководящих деятелей национально-демократической партии по вопросу о признании СССР

Прага

14 февраля 1934 г.

На ужине у генерала Сыровы д-р Шауэр² сообщил мне следующее: на днях он был на обеде у д-ра Прейсса, на котором присутствовали различные деятели финансового и промышленного мира. В беседе с от-